ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе

общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 33 Воскресенье, 4 (17) сентября 1905 г. № 33

Сто лѣтъ назадъ.

I.

Изученіе прошлаго помогаетъ понимать настоящее и задачи будущаго.

Мы переживаемъ огромный подъемъ общественнаго настроенія.

Сто лѣтъ назадъ въ Россіи начинались сходныя съ теперешними теченія мысли и настроенія.

Имъ не суждено было, однако, осуществиться. Даже уничтоженіе крѣпостного права было отсрочено на полстолѣтія.

Почему?.. Причинъ много. Оглянемся назадъ, чтобы не повторить ошибокъ прошлаго.

Мы пережили времена тяжкой реакціи, достигшей расцвѣта при В. К. фонъ-Плеве.

Теперь, какъ и тогда, свѣтлые идеалы отдѣльныхъ людей или группъ тонули въ массѣ невѣжества, безразличія и злобы.

Сторонниковъ обновленія было мало, планы преобразованій смутны. Даже мысль передовыхъ людей раздроблялась на рядъ теченій, взаимно ослаблявшихъ напоръ.

Наверху были великодушные мечтатели, страстно желавшіе родинѣ лучшихъ дней.

А внизу шумѣло или спало темное и безправное, забитое и загадочное народное море.

Между дворянской интеллигенціей и народомъ была цѣлая пропасть.

Они говорили на разныхъ языкахъ. Они не понимали и не вѣрили другъ другу.

II.

Сто лѣтъ назадъ, какъ и теперь, подъемъ бодраго, животворящаго настроенія среди образованной части общества хлынулъ сразу, какъ вешній потокъ, созданный солнцемъ.

Этимъ солнцемъ былъ молодой, талантливый и великодушный Государь Александръ I.

Онъ сулилъ Россіи радостное утро послѣ невыносимо-тяжкой ночи, сдавившей страну при Павлѣ I.

Даже осторожный Карамзинъ писалъ про эти четыре года сплошного кошмара:

„Въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію чужеземцевъ, Россія даже боялась и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія; вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности".

И чѣмъ сильнѣе давила власть, тѣмъ упорнѣе росла рѣшимость положить конецъ всесокрушающему произволу.

Поэтому, когда въ 1801 году престолъ занялъ молодой Александръ Павловичъ и твердо заявилъ, что будетъ „царствовать по сердцу и законамъ бабки Екатерины II", то вся передовая часть общества вздохнула свободнѣе.

Зажигалась, какъ думали, новая заря.

Вмѣстѣ съ новымъ Императоромъ все передовое общество стало обдумывать планы: какъ предупредить уродливыя проявленія власти въ ущербъ общественному благу, какъ положить ей границы, чтобы обуздать произволъ твердою законностью.

III.

Первымъ шагомъ новаго царствованія были: заботы о законности, возвращеніе ряда лицъ изъ ссылки, освобожденіе отъ заключеній и полицейскаго надзора, уничтоженіе пытки и „тайной экспедиціи".

Въ рескриптѣ графу Завадовскому, по поводу „комиссіи составленія законовъ", Александръ I писалъ:

„Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ навѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія призналъ Я необходимымъ удостовѣриться въ настоящей части сихъ положеній".

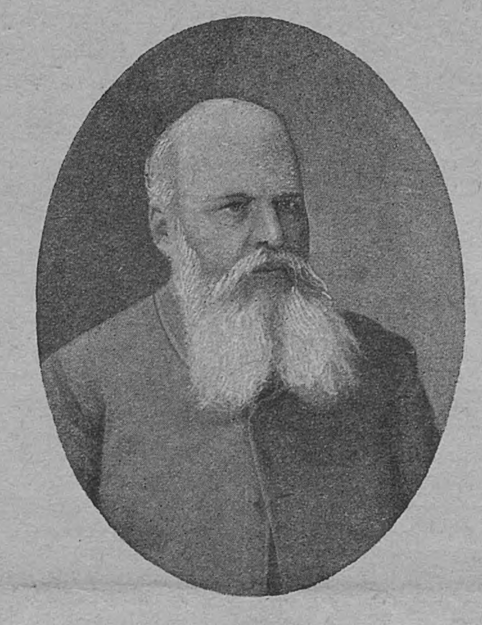
Тотчасъ же было приступлено къ преобразованію сената, какъ блюстителя законовъ, которому было поручено самому составить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

Самыя гуманныя, смѣлыя и тонкія мысли находили откликъ въ благородной душѣ Императора.

Онъ окружилъ себя блестяще образованными и выдающимися друзьями: Новосильцевымъ, Кочубеемъ, гр. Строгановымъ, которые составили „комитетъ" для помощи Государю „въ систематической работѣ надъ реформой безобразнаго зданія управленія Имперіи".

Но это былъ кружокъ идеалистовъ, болѣе носившихся подъ облаками высокихъ настроеній, чѣмъ умѣвшихъ работать „въ гущѣ жизни", на землѣ, надъ практическими задачами.

Поэтому въ поискахъ „учрежденія", которое должно бы увѣнчать реформированное государственное зданіе „въ истинно народномъ духѣ"—позабыли и про народное представи-

Статсъ-секретарь графъ Д. М. Сольскій, новый предсѣдатель государственнаго совѣта.

Оваціи статсъ-секретарю С. Ю. Витте и барону Розену послѣ подписанія въ Портсмутѣ мирнаго договора.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

тельство какъ въ мѣстномъ, такъ и въ государственномъ управленіи.

Да и могло-ли быть иначе, разъ реформа строилась безъ основательнаго фундамента, какимъ могло быть только уничтоженіе крѣпостного права и освобожденіе всѣхъ сословій отъ гнета власти?

Самъ вліятельный и ученый Карамзинъ, „республиканецъ и поклонникъ Робеспьера", какъ онъ себя называлъ, не осмысливалъ всю несовмѣстность свободныхъ учрежденій и законности съ позорнымъ правомъ владѣнія людьми.

„Комитетъ" успѣлъ придумать лишь министерства, которыя являлись все же шагомъ впередъ сравнительно съ петровскими „коллегіями", создавъ хоть „точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства".

IV.

Въ 1809 — 11 гг. выдвинулся въ качествѣ ближайшаго совѣтчика Государя М. М. Сперанскій.

Завѣтной мечтой этой крупной исторической личности было создать „истинную" монархію, въ которой прежній произволъ былъ бы замѣненъ законностью.

Это совпадало съ желаніями Государя.

Первымъ былъ созданъ государственный совѣтъ и утверждено преобразованіе сената.

Рядомъ съ этими высшими учрежденіями рѣшено было создать Государственную Думу съ правомъ законодательнаго собранія, состоящую изъ представителей отъ всѣхъ „свободныхъ" классовъ населенія, избранныхъ по губерніямъ на 3 года.

Вотъ какъ старъ тотъ вопросъ, надъ которымъ трудился гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ: ему почти сто лѣтъ.

Александръ I вѣрилъ Сперанскому и горячо раздѣлялъ его планъ преобразованій.

1-го января 1810 года, при открытіи государственнаго совѣта, Государь сказалъ:

„Не частными исправленіями, не подробностями, многосложными и преходящими, стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда Меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ. Я считалъ всѣ минуты жизни Моей потерянными для блага Россіи, въ кои войной и внѣшними происшествіями намѣренія Мои отвлекались отъ сей великой цѣли".

А Сперанскій въ отчетѣ Государю за 1810 г. добавилъ:

„Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣты занимаютъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается только начало".

V.

Государственной Думѣ предполагалось дать серьезныя и дѣйствительныя права.

Законъ безъ одобренія Думы не могъ издаваться.

Дума должна была провѣрять министровъ и требовать отчета и объясненій отъ нихъ.

Все финансовое хозяйство и установленіе новыхъ налоговъ не могли производиться помимо Думы. Дума являлась постояннымъ учрежденіемъ, собирающимся въ опредѣленные сроки со своими выборными предсѣдателями. Дума имѣла назначать членовъ высшаго судебнаго мѣста—сенаторовъ.

Высшую власть въ Имперіи, такимъ образомъ, предполагалось распредѣлить между: Государемъ, Государственнымъ Совѣтомъ, Государственной Думой, сенатомъ и министрами.

Мѣстное управленіе тоже намѣчалось сдѣлать общественнымъ выборнымъ.

Внизу—„волостная дума", состоявшая изъ депутатовъ отъ 500 душъ населенія, завѣдующая мѣстнымъ (преимущественно казенныхъ крестьянъ) хозяйствомъ, избирающая составъ волостного правленія и представителей въ „окружную думу".

„Окружная дума" должна была вѣдать дѣла уѣзда, выбирать членовъ окружнаго суда и депутатовъ въ „губернскую думу", которая имѣла управлять губерніей, выбирать членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда, а также — депутатовъ въ Государственную Думу.

Это былъ стройный планъ обновленія государственнаго строя Россіи, въ которомъ недоставало только фундамента—освобожденія крестьянъ.

VI.

Но у Сперанскаго не хватило „дерзанія" на эту реформу, затрагивавшую интересы сотенъ тысячъ помѣщиковъ и сотенъ вліятельныхъ сановниковъ.

У него и безъ того было слишкомъ много враговъ, особенно среди казнокрадовъ, которыхъ должны были-бы убить выборное начало и неизбѣжная гласность.

Въ 1812 году, когда соединенныя войска уже двигались на Москву, клеветники и завистники Сперанскаго увѣрили, что онъ въ сношеніяхъ съ „исчадіемъ французской революціи"—грознымъ Наполеономъ.

Сперанскій лишился сразу, по одному навѣту, довѣрія Государя, былъ устраненъ отъ государственной дѣятельности и сосланъ. Ему даже не дана была возможность оправдаться.

Многіе, особенно изъ молодежи, глубоко сочувствовали ему и возмущались.

Изъ высшихъ государственныхъ дѣятелей, предсѣдатель департамента государственной экономіи, Н. С. Мордвиновъ, даже открыто выразилъ свое сочувствіе и довѣріе Сперанскому и его проекту реформы.

Вслѣдъ за его отстраненіемъ онъ самъ вышелъ въ отставку.

VII.

Буря отечественной войны и походы въ Европу нѣсколько отвлекли мысли Александра I отъ внутреннихъ реформъ, хотя онъ и оставался вѣрнымъ сторонникомъ правового государства и народовластія.

Прусскій реформаторъ, прося Государя быть освободителемъ Европы, совѣтовалъ „обращаться прямо къ народамъ и не довѣрять правительствамъ". И Александръ слѣдовалъ этому призыву.

Кутузовъ отъ имени Государя (1813 г.) издалъ воззваніе къ государямъ и „народамъ" Германіи, заявляя, что лозунгомъ истинныхъ монарховъ должна быть „честь и свобода".

Бесѣда его съ Волконскимъ, прибывшимъ изъ дѣйствующей арміи, тоже характерна.

— Каковъ духъ арміи?—спросилъ Государь.

— Отъ главнокомандующаго до солдата всѣ готовы положить свою жизнь въ защиту отечества Вашего Императорскаго Величества".

— А духъ народный?

— Государь! Вы должны гордиться имъ: каждый крестьянинъ—герой, преданный отечеству и Вамъ.

— А дворянство?

— Государь! Стыжусь, что принадлежу къ нему: было много словъ, а на дѣлѣ—ничего.

При обсужденіи условій возстановленія Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, Александръ I выразилъ (1814) Людовику XVIII (въ Рамболье) твердое убѣжденіе въ необходимости учредить во Франціи представительное (народное) правленіе.

Въ 1815 году на вѣнскомъ конгрессѣ онъ горячо отстаивалъ либеральную политику и нападалъ за ретроградные взгляды на Меттерниха и Талейрана.

Въ этомъ же году онъ далъ Польшѣ конституцію, привлекшую къ нему общія симпатіи мыслящей части общества, не только дома, въ Польшѣ, но и въ Европѣ.

При открытіи варшавскаго сейма онъ заявилъ:

„Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ (погибшее потомъ при „руссификаціи"), дозволило Мнѣ ввести немедленно то, что Я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметами Моихъ помышленій и которыхъ спасательное вліяніе надѣюсь Я, при помощи Божьей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію Моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы Мнѣ дали средства явить моему отечеству то, что Я съ давнихъ лѣтъ ему приготовляю и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости".

И это не было только добрымъ пожеланіемъ.

Другъ его молодости и близкій довѣренный потомъ, Н. Н. Новосильцевъ, бывшій одно время Императорскимъ комиссаромъ (представителемъ) въ Польшѣ, долженъ былъ довершить планъ реформы, начатый Сперанскимъ и прерванный его опалой и войной.

Онъ, подобно А. Г. Булыгину, изготовлялъ проектъ „законно-свободныхъ учрежденій", „Думы" и пр. для всей Имперіи.

VIII.

Но не дремали и сторонники стараго порядка, враждующіе со всѣми „новшествами".

Опираясь на реакціонеровъ и старичковъ, помнящихъ еще пышное царствованіе „Великой Бабки" (Екатерины II), Карамзинъ выступилъ противъ какихъ-либо реформъ.

Въ запискѣ „О древней и новой Россіи" онъ доказывалъ, что „Общепризнанное величіе Россіи" заключается въ развитіи и могуществѣ „установившагося государственнаго быта", что „ослабленіе его было бы гибельно для отечества".

Онъ убѣждалъ въ ненужности „министерствъ", мѣропріятій по народному образованію, въ опасности мысли объ освобожденіи крестьянъ и т. д.

„Учрежденія не важны",—писалъ Карамзинъ.—„Все пойдетъ отлично, если найдется 50 хорошихъ губернаторовъ".

Это было отраженіе помѣщичьихъ взглядовъ.

Отъ нихъ вѣяло опасливой старостью и патріархальной стариной.

Но къ нимъ прислушивались, съ ними считались, особенно въ виду побѣдоносной войны, которая одержала крѣпостническая Россія надъ побѣдителемъ Европы.

Не такъ, конечно, думали передовые умы образованнаго общества и офицерство, привезшее домой изъ походовъ по Европѣ иные взгляды, иные планы государственныхъ преобразованій.

Имъ казалось недостаточнымъ даже то, что задумывалъ Государь, по проектамъ Сперанскаго и Новосильцева. Они задумывались надъ полнымъ освобожденіемъ родины, начиная, разумѣется, съ крестьянъ.

IX.

Чѣмъ болѣе разросталось, однако, брожен̂іе въ общественныхъ кружкахъ, тѣмъ менѣе нравилось это правительству.

Лишь либеральные кружки, близкіе къ Государю, потворствовали ему и подавали надежду на серьезную реформу.

Но время шло. Государь, ставъ во главѣ „Священнаго Союза“, все болѣе отвлекался дѣлами внѣшней политики.

Ставъ опорой европейскихъ престоловъ, Россія начала не только у себя дома, но и за границей, отстаивать реакцію правительства отъ напора революціонныхъ идей и народныхъ волненій.

Съ Императоромъ происходилъ переломъ въ сторону религіозно-мистическую.

Заботясь о мирѣ, покоѣ и благочестіи, ему пришлось охранять „полицейскія государства“, т. е. тѣ самыя начала, которыя онъ еще недавно считалъ вредными.

Начала, при которыхъ гражданинъ совершаетъ уже преступленіе, помышляя о реформѣ во имя всеобщаго блага, гдѣ власть всемогуща и безотвѣтственна, а тупыя народныя массы, какъ стада домашнихъ животныхъ, управляются строгими пастухами.

Не о такихъ порядкахъ мечталъ Александръ I въ лучшую пору своей жизни.

Но годы, пережитое и необычное положеніе вершителя судебъ Европы, положили на его свѣтлый умъ свой пагубный отпечатокъ.

Отъ Сперанскаго, Новосильцева и Мордвинова онъ исподволь, подъ вліяніемъ Карамзина, перешелъ къ Аракчееву во внутренней политикѣ, Магницкому — въ дѣлахъ просвѣщенія и архимандриту Фотію—по церковнымъ вопросамъ.

Мрачный геній австрійскаго дипломата Меттерниха, торжествовалъ. Онъ сталъ авторитетомъ во внутренней и внѣшней политикѣ, заслонивъ творческіе порывы Императора, поднявшагося когда-то дать своему народу добровольно то, что на Западѣ онъ добывалъ самъ, цѣною кровавыхъ революцій.

X.

Восемьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ временъ, когда волна освободительнаго движенія, не нашедшая законнаго русла, разразилась затѣмъ обширнымъ заговоромъ и неудавшейся попыткой къ перевороту 12-го декабря 1825 года.

Общественное движеніе начала прошлаго вѣка показываетъ, какъ трудно и медленно движется прогрессъ страны, какъ ненадежны самые лучшіе замыслы преобразователей, если они не опираются на сознательную поддержку массъ.

За широкую реформу тогда стоялъ просвѣщенный и благородный Государь.

Онъ въ теченіе 15 лѣтъ имѣлъ вокругъ себя самыхъ выдающихся людей того времени.

Планъ преобразованія былъ придуманъ и разработанъ такимъ крупнымъ государственнымъ умомъ, какъ Сперанскій, 4 года пользовавшимся полнымъ довѣріемъ Александра I.

Вся Европа прислушивалась къ голосу Россіи. Обаяніе личности Государя и его вліяніе были огромны.

И все-таки—ничего существеннаго сдѣлать не удалось.

Гуманныя предположенія остались лишь прекрасной мечтой, отъ которой не осталось и слѣдовъ въ послѣдующее суровое царствованіе Николая I.

А доводы и припѣвы объ „исконныхъ русскихъ началахъ“ высказанные Карамзинымъ, повторяли потомъ: словянофилы, гр. Д. А. Толстой, М. И. Катковъ, вплоть до В. К. фонъ-Плеве, еще годъ назадъ заправлявшаго внутренней политикой Россіи.

Даже опасливость просвѣщенія, о которомъ мечталъ еще Ярославъ Мудрый, выраженная Карамзинымъ,—стала почти программой нашихъ министерствъ народнаго просвѣщенія.

Вотъ, какъ медленно движется исторія, если она не создается, какъ въ Японіи или Англіи, народнымъ самосознаніемъ.

В. Анвиміровъ.

Сотрудники Л. Н. Толстого.

Теперь, когда запруды, установленныя по теченію литературы и мѣшавшія ея естественному бѣгу, понемногу рѣдѣютъ, и впереди виднѣется свѣтлое время,—теперь самая пора вспомнить и о внутреннемъ бѣдствіи литературы.

Врагъ этотъ еще ужаснѣе и грозитъ неумолимымъ разрушеніемъ лучшаго сокровища въ нашей жизни. Литература можетъ умереть отъ коварной и злой болѣзни, которая въ медицинѣ называется бѣлокровіемъ. Съ виду больной—даже толстъ, расплылъ и кажется жирнымъ, а на самомъ дѣлѣ онъ близокъ къ гибели и чахнетъ, потому что кровь его не та, нѣтъ живительныхъ красныхъ шариковъ, напитанныхъ кислородомъ жизни, который они разносятъ по всѣмъ тканямъ тѣла. Все бѣлыя, лимфоидныя тѣльца, тѣ же самыя, что бываютъ въ гнойникахъ и гангренозныхъ пузыряхъ.

Я говорю объ оскудѣніи языка литературы. Словъ нѣтъ.

Живительныхъ красныхъ шариковъ мало. Все бѣлыя, лимфоидныя тѣла рыхлой иностранщины и мокрой, клейстеровидной, затхлой канцелярщины.

Нѣтъ свѣжихъ народныхъ образовъ, нѣтъ смѣлыхъ, сильныхъ словъ, дышащихъ воздухомъ полей. Мы замкнулись въ своемъ жаргонѣ и не ищемъ общенія съ народомъ.

Въ моей памяти встаетъ иной образецъ, иной методъ писаній, къ которому прибѣгаетъ великій мастеръ нашего времени.

Когда я учительствовалъ въ Ясной Полянѣ, мы ежедневно устраивали послѣобѣденныя чтенія съ учениками.

Понемногу на эти чтенія начали являться и взрослые—парни, женатые и, наконецъ, старики.

— Больно ужъ занятно, сказываютъ!—заявляли эти почтенные люди, какъ бы оправдывая свой легкомысленный не по лѣтамъ поступокъ—интересоваться книжкой.

Приходилъ на эти чтенія и Левъ Николаевичъ.

Сядетъ, бывало, на краешекъ задней скамейки и слушаетъ.

Во время чтенія и послѣ, обыкновенно, завяжется оживленная бесѣда съ крестьянами, и въ этой бесѣдѣ, бывало, Левъ Николаевичъ принимаетъ самое горячее участіе.

Онъ на простомъ языкѣ говоритъ еще красивѣе и вдохновеннѣе, чѣмъ на языкѣ литературномъ.

Въ разговорѣ онъ былъ чуждъ всякаго учительства и самъ казался робкимъ, внимающимъ ученикомъ.

Народъ—великій учитель.

— Какъ хорошо!—сказалъ онъ разъ, прощаясь со мною.—Какъ мы мало знаемъ, въ чемъ наша истинная радость; часъ такого общенія стоитъ больше всѣхъ этихъ фешенебельныхъ вечеровъ и раутовъ.

Кончили мы однажды чтеніе небольшого разсказа, поговорили, побесѣдовали, вдругъ—финалъ, вынимаетъ изъ кармана Левъ Николаевичъ тетрадку исписанныхъ листиковъ и говоритъ:

— Прочту и я вамъ... свою вещь, „сказка“ называется.

И звучнымъ, внятнымъ голосомъ онъ прочиталъ свою знаменитую сказку объ „Иванѣ Дуракѣ“.

Въ то время Левъ Николаевичъ кончалъ сочиненіе „Такъ что-жъ намъ дѣлать?“ и былъ занятъ разработкой вопроса о деньгахъ. Тѣ отвлеченные выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этомъ сочиненіи, онъ образно выразилъ въ сказкѣ и, читая ее, замѣтно волновался предъ своей аудиторіей.

Сказка понравилась.

Старики похваливали, а помоложе перебирали отдѣльные моменты и дѣлились впечатлѣніями.

— Такъ ему и надо, чистому господину!— Ишь, что выдумалъ!...

Замѣтивъ одного изъ крестьянъ, особенно волновавшагося по поводу прочитаннаго, Левъ Николаевичъ обратился къ нему:

— Ну, вотъ, Константинъ Николаевичъ, ты бы намъ вслухъ и разсказалъ всю сказку. Сдѣлай милость!

— Можно, отчего-же,—отъ слова до слова помню.

И полился плавный пересказъ прочитаннаго.

Но, къ удивленію всѣхъ, это вовсе не былъ пересказъ. Онъ далеко не соотвѣтствовалъ оригиналу; многія мѣста вышли совершенно иными, и слова, и выраженія были другія, — даже сочетаніе событій въ одномъ мѣстѣ вышло не то.

Изъ толпы его стали обрывать и рѣзко поправлять.

— Не ври, вотъ такъ было!...

Но Левъ Николаевичъ съ жадностью ловилъ именно эти измѣненныя мѣста въ пересказѣ и останавливалъ всѣхъ:

— Не надо, не надо, пускай разсказываетъ. У него хорошо выходитъ.

Крестьянинъ этотъ былъ бѣднѣйшій въ деревнѣ, жилъ на краю села, и оттого его называли Константинъ Крайній. Его изба была раскрыта, а плетни—покосившіеся и разоренные.

И оттого еще называли его Константинъ Разоренный.

Но даръ слова у него былъ выдающійся, и онъ былъ большой охотникъ до книжки.

Повѣсть Савихина „Дѣдъ Софронъ“ онъ разъ 50 прочелъ и выучилъ всю наизусть. Всей семьей онъ разучивалъ эту книжку и всей семьей, бывало, рыдаютъ надъ грустной участью рѣдкаго дѣда.

— Боже мой, ми-лостлива-ай! — бывало вздыхаетъ Константинъ,—разсказывая мнѣ въ сотый разъ про наиболѣе „жалостливыя“ мѣста и слова свои: „Боже мой, ми-лостлива-ай!“—произносилъ при этомъ какъ-то особенно, втягивая воздухъ въ себя. Такъ что слова говорились какъ бы внутрь, а не вовнѣ.

Это выходило очень трогательно.

Вотъ этотъ самый Константинъ и разсказывалъ теперь сказку объ Иванѣ Дуракѣ.

Левъ Николаевичъ спѣшно дѣлалъ отмѣтки на листѣ, такъ и сіялъ отъ восторга, когда въ пересказѣ блеснетъ яркая фраза, образное выраженіе или мѣткое слово, на которыя Константинъ Николаевичъ былъ большой мастеръ.

Сказка „Иванъ Дуракъ“ появилась въ свѣтъ въ пересказѣ Константина.

— Я всегда такъ дѣлаю,—сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ,—я провѣряю себя и учусь у нихъ писать. Это единственный способъ создать народную вещь. Вотъ и разсказъ „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“ тоже такъ возникъ.

Это пересказъ ученика

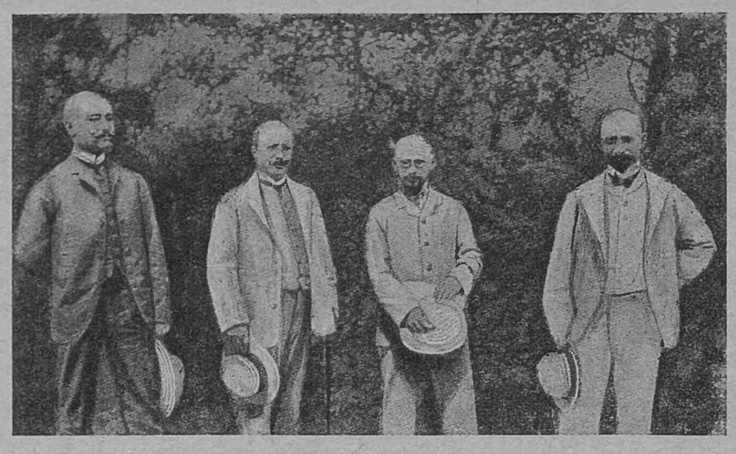
Такъ любитъ и уважаетъ великій писатель великій народъ свой.

И оттого народныя творенія Толстого дышатъ такой непосредственной правдой языка.

Какой могучій потокъ свѣжихъ образовъ, мыслей и словъ хлынулъ бы въ нашу въ сущности, маленькую, тощую, ожаргонившуюся и до-нельзя „объинтеллигентившуюся" литературу, если-бъ и другіе писатели поступали такъ же и такъ же любили и уважали народъ, какъ уважаетъ и любитъ его Толстой.

О, если бы!..

И. Тенеромо.

Г. де-Плансонъ. Г. Шиповъ. Г. Кателичъ. Г. Бергъ.

Группа лицъ, состоявшихъ при главноуполномоченномъ для веденія мирныхъ переговоровъ съ Японіей.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Борьба съ дѣтской смертностью въ Россіи.

Паки и паки о малыхъ сихъ.

Разрѣшите маленькое сравненіе. Когда человѣкъ тонетъ въ водоворотѣ, ему не до обсужденія законовъ механики, создающихъ водоворотъ, не до критики принциповъ всеобщаго тяготѣнія или недостаточно солидной постановки у насъ спасательныхъ станцій. Но когда тонувшій человѣкъ спасется, то этому человѣку, а равно и людямъ, наблюдающимъ катастрофу съ берега, вполнѣ естественно, должны прійти въ голову и мысли о механическихъ причинахъ водоворота, и о недостаточно солидной у насъ постановкѣ спасательныхъ станцій.

12-го декабря 1904 г. открылъ свои дѣйствія „Союзъ борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи". 12-ое декабря 1904 г. знаменательный день въ исторіи Россіи. Онъ нажалъ ручку двери, имѣвшей впустить въ Россію струю новой живой жизни. Въ этотъ день открылся „Союзъ борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи", призывающій всѣхъ соединиться для побѣды надъ ужаснымъ врагомъ.

Но 12-е декабря 1904 г. очутилось среди дней, рѣшающихъ участь злосчастной войны. Еще живы были воспоминанія Ляояна и Шахэ. Уже носились зловѣщіе предвѣстники Портъ-Артура и Мукдена. Надо было предотвращать ежесекундное паденіе Дамоклова меча. Всѣ общіе вопросы отходили на задній планъ.

На задній планъ отошелъ и вопросъ борьбы съ дѣтской смертностью. Хотя въ подсчетѣ человѣческихъ жизней, одинъ годъ дѣтской смертности превышаетъ количество жизней, утраченныхъ за нѣсколько лѣтъ войны.

Конечно, не всюду. Это касается дѣтской смертности въ Россіи.

Вамъ это представляется невѣроятнымъ? Хотите маленькую иллюстрацію?

Извольте. Въ Норвегіи, находящейся въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ съ нашей Псковской губерніей, на тысячу младенцевъ моложе одного года умираетъ ежегодно 95. А въ Псковской губерніи, по изслѣдованію д-ра Раухфуса, на такую же тысячу младенцевъ умираетъ... 829!

Нужны-ли еще какія-нибудь краски? Не достаточно-ли колоритна картина сама по себѣ?

Имѣются у насъ изслѣдованія русскаго ученаго, профессора Ю. Э. Янсона. По даннымъ, установленнымъ г. Янсономъ, оказывается, что въ концѣ XVIII-го вѣка смертность въ Россіи опредѣлялась въ 20 человѣкъ (на тысячу). Но уже въ 1816—1820 гг. смертность повысилась до 23, а къ концу XIX-го вѣка перевалила за 30 и теперь кое-гдѣ доходитъ до 50 и выше. Мѣстами рождаемость уже не покрываетъ смертности, и населеніе идетъ на убыль.

А мы цѣною крови и счастья сотенъ тысячъ людей ищемъ новыхъ территорій!

Не думайте, что повышеніе смертности есть знаменіе времени. Въ той же Норвегіи смертность не превышаетъ 16-ти на тысячу. А въ Австраліи, находящейся въ климатическомъ отношеніи въ условіяхъ, много худшихъ, чѣмъ Россія, смертность не превышаетъ 11 на тысячу.

Въ Норвегіи и въ Австраліи дѣйствуетъ одна сила, пока у насъ еще не существующая:

Просвѣщеніе народныхъ массъ.

Отсутствіе этой дѣйствующей силы является центральной причиной огромной русской смертности. Отъ нея уже радіусами отходятъ другія причины: голодъ, пьянство, отвратительная гигіеническая обстановка, „дурная болѣзнь", кладущая свой мертвящій отпечатокъ на все, къ чему прикасается. И наконецъ, во-истину варварская обстановка деревенскихъ родовъ.

Уже по самому своему существу деревенская мать, не имѣющая фактической возможности отдыхать, рождаетъ дѣтей, малоспособныхъ къ жизни. Всѣ эти сказки о маленькихъ деревенскихъ крѣпышахъ... одна изъ „правдъ" русской дѣйствительности. Сказка, расчитанная, вѣроятно, для устрашенія враговъ.

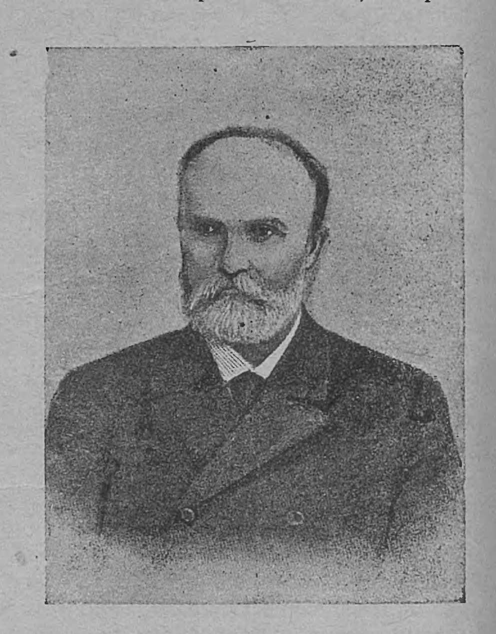
Волосы становятся дыбомъ, когда послушаешь, что запрошенные врачи сообщили членамъ комитета „союза борьбы дѣтской смертности въ Россіи" о той обстановкѣ, среди которой рождаются въ деревнѣ дѣти. Бабы-повитухи пускаютъ въ ходъ средства дикарей, подвѣшиваютъ родильницъ, встряхиваютъ, перетягиваютъ, вмѣсто акушерскихъ щипцовъ ковыряютъ простой палкой во внутренностяхъ роженицы; родившагося младенца парятъ въ банѣ, обкуриваютъ, правятъ, трясутъ головой внизъ, сажаютъ въ горячую печь на лопатѣ, опаиваютъ и т. п. Спеленатый въ грязныхъ тряпкахъ и часто брошенный на присмотръ малолѣтнихъ ребятъ, грудной младенецъ заживо гніетъ въ собственныхъ изверженіяхъ, заѣдаемый насѣкомыми. Въ гнилой подстилкѣ и даже на тѣлѣ ребенка въ язвахъ часто заводятся черви. Младенцы, выдержав-

С. С. Холоповъ,
предсѣдатель бѣлозерской земской управы.

С. Т. Бередниковъ,
гласный новгородскаго губ. земскаго собранія.

И. М. Рева,
извѣстный земскій дѣятель

Русскіе общественные дѣятели.

шіе эти муки, всего чаще гибнутъ отъ голода или отравы, которая дается въ видѣ гнилой соски вмѣсто материнскаго молока. Эта соска (изъ жеваннаго хлѣба, каши и т. п.) уноситъ въ Россіи болѣе жизней, чѣмъ всѣ непріятельскія нашествія. Лѣтомъ, когда бабы въ полѣ, по деревнямъ свирѣпствуетъ ужасающій дѣтскій поносъ, которымъ „смываетъ" иной разъ всѣхъ грудныхъ младенцевъ. Изъ тѣхъ же, что остаются въ живыхъ, выростаетъ населеніе хилое и малосильное, далеко не такое, какимъ могло бы быть по природѣ.

Такіе ужасы сообщаетъ на основаніи опроса врачей воззваніе союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи.

А такъ какъ смертность, подобно лавинѣ, растетъ, то, по словамъ доктора В. И. Гребенщикова, „мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что не пройдетъ и 150 лѣтъ, какъ начнется безусловное вымираніе населенія".

Перспектива, нельзя сказать, чтобы изъ очень радостныхъ или радужныхъ. Перспектива, выдвигающая вопросъ, котораго не обойдешь съ легкимъ сердцемъ, котораго не разрѣшить нельзя.

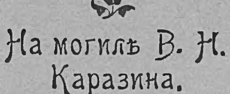
За послѣднее время „союзъ" неоднократно обращался къ обществу съ различными воззваніями. Хотя вопросъ дѣтской смертности—вопросъ животрепещущій всегда—и во время войны, и въ мирное время, еще можно найти оправданіе для общества, недостаточно вникавшаго въ это несчастіе русской жизни. Вниманіе отвлекалось грохотомъ пушекъ на поляхъ Манчжуріи или въ водахъ Тихаго океана.

Но теперь?

Теперь союзъ вновь обращается съ соотвѣтственнымъ воззваніемъ. Онъ взываетъ объ учрежденіи въ разныхъ мѣстахъ Россіи „мѣстныхъ отдѣловъ" союза. Нѣсколько десятковъ доброжелательныхъ людей, и дѣтская смертность въ этой мѣстности можетъ понизиться на нѣсколько десятковъ процентовъ. А сообща эти мѣстные отдѣлы создадутъ въ борьбѣ съ дѣтской смертностью огромную силу.

Кончена кровавая война, позоръ человѣчества. Давайте, начнемъ войну мирную, войну противъ смертности, войну во славу живого человѣческаго духа.

Съ требованіями устава, членскими взносами, пожертвованіями, запросами, предложеніями и т. п. слѣдуетъ обращаться въ правленіе „союза", Спб., Галерная, 7.

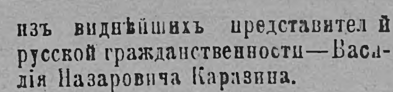

На могилѣ В. Н. Каразина.

Было это въ 1903 г. Стоялъ безснѣжный зимній день. Скупое солнце застѣнчиво улыбалось сквозь сѣрые обрывки тучекъ. Робкій вѣтерокъ мягко и нѣжно трогалъ грустныя вѣтви обнаженныхъ деревьевъ. Въ воздухѣ носился и опьянялъ запахъ влажной, пропитанной снѣгомъ земли.

Пахло близкой молодой весной...

Медленно пробирался я по старому кладбищу *), между живописными группами полузатертыхъ могилъ, отыскивая могилу основателя харьковскаго университета и одного

изъ виднѣйшихъ представителей русской гражданственности—Василія Назаровича Каразина.

И долго бродилъ я по погосту, любуясь своеобразной красотой кладбищенскаго пейзажа, изъ рамки котораго важно смотрѣли чугунныя ядра на адмиральскихъ могилахъ, робко ласкались одинокіе, забытые кресты и кичливо красовались, нарушая грустную прелесть картины, роскошные склепы.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, далеко за кладбищенской церковью я нашелъ могилу Каразина. Громадный каменный мавзолей, неуклюжей топорной работы, давящій своимъ грубымъ, тяжелымъ безвкусіемъ и весь окрасившійся въ неопредѣленный сѣровато-грязный цвѣтъ, и представлялъ собой мѣсто успокоенія забытаго гражданина.

По стѣнамъ мавзолея бѣжала густая сѣть трещинъ, собравшихся въ фантастическіе узоры. Сквозь наглухо - укрѣпленную чугунную дверь открывалась мрачная, грязная, полуразрушенная внутренность мавзолея. Штукатурка во многихъ мѣстахъ осыпалась; полъ изъ известковыхъ плитъ растрескался и у задней стѣны образовалъ громадную яму.

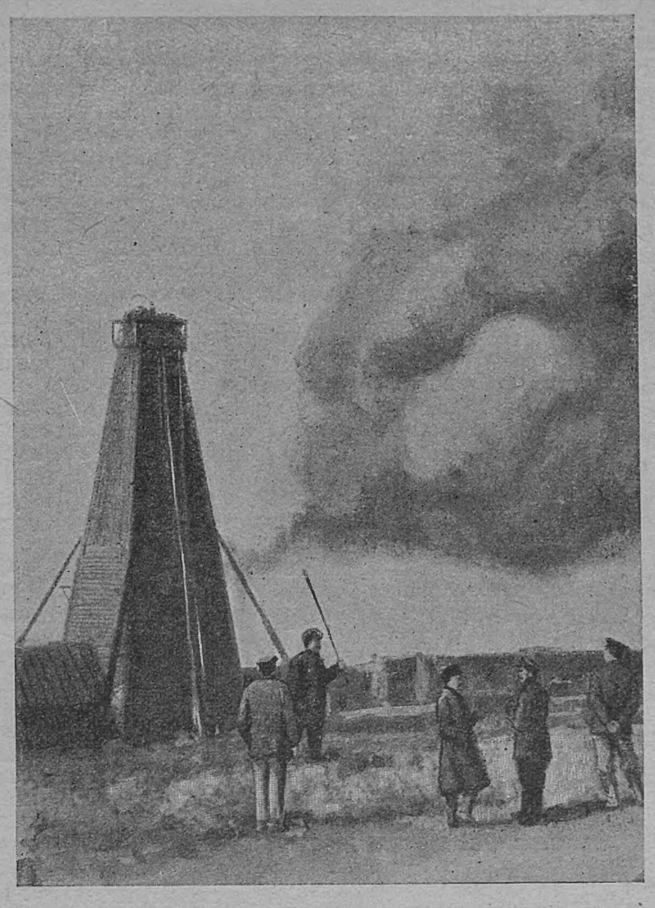
Посрединѣ стоялъ скромный мраморный памятникъ, сверху украшенный чашей съ позолоченнымъ крестомъ.

На лицевой сторонѣ затушеванная пылью вырѣзывалась надпись:

„Виновникъ учрежденія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, основатель харьковскаго университета, учредитель и правитель дѣлъ филотехническаго общества, Высочайше утвержденнаго въ 1811 году; помѣщикъ, поставившій первый крѣпостныхъ людей на степень существъ свободныхъ (каковыми 40 лѣтъ спустя хотѣлъ ихъ сдѣлать Русскій Царь, указомъ 1842 г., апрѣля 2-го дня), водворитель цвѣтущей торговли и благосостоянія граждан г. Харькова, естествоиспытатель, подавшій первый мысль о возможности сдѣлать изъ метеорологіи науку точную, полезную для людей, почетный членъ двухъ университетовъ—московскаго и харьковскаго, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ, родился въ с. Крушкѣ, Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, 1773 г., января 30-го, скончался въ г. Николаевѣ, Херсонской губ. 1842 г., ноября 4-го дня, въ 8 ч. вечера".

Въ заднемъ лѣвомъ углу прилѣпился маленькій столикъ, покрытый порыжѣвшей и истрепавшейся парчей. Тутъ же одиноко пріютился весь запыленный деревянный крестъ. У лѣвой стѣны лежали

*) В. Н. Каразинъ похороненъ въ Николаевѣ.

Пожаръ богатѣйшихъ въ мірѣ Биби-Эйбатскихъ нефтяныхъ промысловъ, близъ Баку.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Пожаръ въ Баку.—Старинная цитадель города, заселенная татарами, гдѣ началась рѣзня.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

двѣ надгробныхъ плиты, темно-бураго цвѣта отъ толстаго слоя черной пыли, мѣшавшей разобрать надписи. Въ расщелинѣ, образованной известковымъ поломъ, уныло покачнувшись на бокъ, стоялъ зеленый крестъ, какой можно встрѣтить на убогой дѣтской могилкѣ.

Холодомъ и мракомъ вѣяло изнутри мавзолея, угрюмо глядѣвшаго на погостъ, вынося и удары бурнаго ливня и грознаго вѣтра, наносящаго пыль и мусоръ. И стоялъ онъ одинокій, грязный, и укоръ читался въ его потрескавшихся стѣнахъ. *).

Видно было, что никогда ничья заботливая рука не хлопотала въ каменномъ мавзолеѣ, не украшала холодныхъ могильныхъ плитъ живыми цвѣтами памяти и признательнаго привѣта, что никогда никто не приходилъ подъ сѣрые его своды, чтобы добрымъ словомъ оживить мракъ забытой могилы, мѣсто успокоенія человѣка „поставившаго первыхъ крѣпостныхъ людей на степень существъ свободныхъ", гражданина, дерзавшаго громко говорить „святую правду", когда на Руси царили Аракчеевы, Магницкіе, Руничи, когда наша скорбная родина стонала въ желѣзныхъ тискахъ мрака, невѣжества и рабскаго безправія.

Долго стоялъ я у чугунной рѣшетчатой двери, холодъ мавзолея охватывалъ меня, и мнѣ было жутко.

Солнце закатилось за рѣку, окрасивъ дальній берегъ блѣдной трепетно-розовой полоской. Вѣтеръ смѣлѣе шепталъ свои рѣчи, качая голыя вѣтви.

Кладбищенскій колоколъ важно приносилъ свои глубокіе вздохи: „б-о-омъ... б-о-омъ... б-о-омъ"... и они умирали далеко за стѣной забытаго погоста, странно звуча въ этомъ царствѣ мертваго покоя.

Съ болью смотрѣлъ я на тяжеловѣсную постройку—памятникъ и думалъ о томъ, какъ плохо помнитъ потомство свои дорогія могилы.

Изъ-за рѣшетчатой двери вставалъ образъ одного изъ честныхъ сыновъ русскаго общества, образъ русскаго „вѣчнаго странника", за смѣлый полетъ мысли испытавшаго одинокую тишину сырого каземата и унизительный гнетъ реакціонной лапы.

Мнѣ было стыдно и за общество, и за всю ту картину, какую представляла русская жизнь въ тѣ дни; образъ Каразина, смѣло кричавшаго о правдѣ во времена Аракчеевыхъ, напоминалъ мнѣ объ Аракчеевыхъ.

А на кладбище совсѣмъ ужъ спустились сумерки, когда я тяжело брелъ къ церкви, навстрѣчу колокольнымъ вздохамъ.

Грустно было на душѣ. Исторія предупредительно развертывала предъ воображеніемъ картины прошлаго.

Зимній ранній вечеръ окуталъ все... Черезъ Военный рынокъ темными переулками направлялся я въ городъ, унося со стараго кладбища тревогу за настоящее и бодрую молодую увѣренность за будущее нашей родины, у которой были, есть и всегда будутъ Каразины, умѣющіе говорить правду въ дни, когда собираются черныя тучи, и кровавые отблески озаряютъ погруженную во тьму землю.

Сав. Равцкій.

*) Теперь памятникъ В. Н. Каразина, послѣ напечатанія въ „Юж. Россіи" моей статьи, обратившей вниманіе на запущенное его состояніе харьковскаго унив., приведенъ послѣднимъ въ относительно приличный видъ. С. Р.

Продажа наслѣдства Обреновичей.

„Униженіе королевскаго рода, убійство цѣлаго семейства, жестокое преступленіе", — вотъ, что можно было бы помѣстить въ каталогѣ аукціона, на которомъ продавалась обстановка низложеннаго сербскаго короля. Всѣ вещи, бывшія нѣмыми свидѣтелями кровавой политической драмы, прогремѣвшей на весь міръ, перейдутъ къ тому, кто „больше дастъ"... Шестнадцать залъ „Доротеума" переполнены мебелью, картинами, серебромъ, художественными бездѣлушками, — наслѣдствомъ двухъ королей, Милана и Александра. Здѣсь много истинно прекрасныхъ вещей, да и опытная рука оцѣнщика сдѣлала все, чтобы расположить 1116 обреченныхъ молотку аукціониста предметовъ въ томъ же гармоническомъ порядкѣ, въ которомъ они были размѣщены въ старомъ „конакѣ", при жизни Александра. На меня эта выставка произвела рѣзкое впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что въ тѣхъ стѣнахъ, въ которыхъ нѣкогда блистала вся эта роскошь, никогда не было истинно королевскаго духа. На многихъ вещахъ, что выставлены тутъ на показъ и продажу, словно отпечатано: „Миланъ-расточитель". И чѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ прекраснѣе нѣкоторые предметы, тѣмъ яснѣе они обнаруживаютъ въ Миланѣ человѣка, который весьма часто покупалъ лишь для того, чтобы истратить деньги. Ни одной королевской реликвіи, ни единаго портрета историческихъ лицъ, ни единаго трофея,—словомъ только то, что могъ купить неожиданно разбогатѣвшій человѣкъ.

Лишь нѣсколько бездѣлицъ напоминаютъ, что былъ на свѣтѣ Михаилъ Обреновичъ, храбрый человѣкъ, у котораго не было драгоцѣнностей, который, какъ извѣстно, жилъ въ маленькомъ домикѣ на Дунаѣ. Зато собрано рѣшительно все, что можетъ возстановить картину кроваваго событія 11 іюня 1903 года.

Королева Наталья, наслѣдница печальнаго наслѣдства, могла бы убѣдиться, что любопытнымъ взорамъ публики предоставлено все, что напоминаетъ объ ея несчастномъ сынѣ и несчастной невѣсткѣ. Ей причитается третья часть наслѣдства. Отсюда все, что принадлежитъ ея сыну, поступитъ въ монастырь Кейхедольскій; все, что можетъ напомнить о краткомъ владычествѣ Драги, будетъ передано семьѣ убитой, и только вещи Милана будутъ, по желанію наслѣдницы, возвращены Маммону, т. е. проданы съ аукціона. Конечно, выручка отъ продажи пойдетъ на благотворительныя дѣла, но это нисколько не смягчаетъ рѣзкаго различія, которое ех-королева Наталія дѣлаетъ между наслѣдствомъ мужа и сына. Она похоронила прошлое. И пусть въ тихихъ стѣнахъ монастыря, да по чужимъ, странамъ развѣявшись, исчезнетъ память о домѣ Обреновичей...

Всѣ эти особенности, и даже та, совершенно неподходящая къ обычнымъ понятіямъ о королевскомъ достоинствѣ обстановка, въ которой происходитъ аукціонъ, придаютъ выставкѣ чрезвычайный интересъ въ глазахъ публики. Производство самого аукціона удалось заполучить одному австрійскому коммиссіонному бюро.

Въ сопровожденіи вице-директора, секретаря и коммисара бюро мы предприняли обходъ всѣхъ залъ.

Сразу бросилось въ глаза огромное количество драгоцѣнныхъ ковровъ, принадлежавшихъ Милану. Первая комната, въ которую мы вступили, была получена королевой Наталіей въ приданое и въ послѣднее время служила спальней одной изъ придворныхъ дамъ.

Здѣсь останавливаютъ вниманіе четыре великолѣпныхъ венеціанскихъ зеркала. „Гвоздемъ всей выставки" является арабская обстановка, которую Миланъ вывезъ изъ своего кругосвѣтнаго путешествія.

— Три мѣсяца,—замѣтилъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ,—пробылъ тогда Миланъ въ пути, а истратилъ пять милліоновъ...

Общее впечатлѣніе этотъ аппартаментъ производятъ великолѣпное. Блескъ электрическихъ лампочекъ въ хрустальныхъ люстрахъ и канделябрахъ даетъ поразительные эффекты, отражаясь на раззолоченыхъ обояхъ. Эти обои нѣкогда украшали стѣну арабскаго дворца. Надъ обоями видѣнъ бордюръ, представляющій точную копію позументовъ, нашитыхъ нѣкогда на плащахъ старо-французской „швейцарской гвардіи". Украшенія стоящаго въ этой комнатѣ зеркальнаго шкапа выточены изъ ливанскаго кедра. Здѣшніе знатоки, впрочемъ, увѣряютъ, что послѣднее сомнительно.

Подлѣ арабской комнаты расположена спальня королевы Наталіи, производящая очень пріятное впечатлѣніе тишины и уюта. Королева занимала эту комнату въ продолженіе всего замужества; здѣсь же родился и король Александръ. Превосходная бѣлая спальня служитъ единственнымъ воспоминаніемъ о королевѣ Драгѣ. Ее она принесла съ собой въ приданое. Чудо искусства представляетъ собой спальня Милана изъ магогоноваго дерева въ стилѣ empire. Прямо противъ нея находится туалетная,—очень красивая, въ англійскомъ стилѣ, комната.

Одной изъ лучшихъ комнатъ считается столовая, посреди которой даже накрытъ превосходной посудой столъ; мебель—фламандскаго стиля; высокія спинки стульевъ украшены цвѣтнымъ гербомъ Обреновичей; на буфетѣ стоятъ двѣ вазы—подарокъ императора Вильгельма—съ портретами императора и императрицы германскихъ. Здѣсь есть еще ваза, которая, должно быть, подарена президентомъ Феликсомъ Форомъ. Ваза, хоть и велика, но малоцѣнна: по отзыву знатоковъ, ея аукціонная цѣна—20 рублей. А такъ какъ Форъ, обыкновенно, подносилъ европейскимъ монархамъ драгоцѣнности, то думаютъ, что въ этомъ подаркѣ отразилась „сербская политика". Въ столовой можно полюбоваться на великолѣпные майлендеровскіе гобелены.

Красива такъ называемая серебрянная зала, получившая свое названіе отъ высеребренной мебели. Тутъ есть нѣсколько превосходныхъ картинъ и, среди нихъ, „Нинетта" Блааса, купленная Миланомъ въ Вѣнѣ. Мало художественъ, но чрезвычайно интересенъ деревянный ларецъ, покрытый старинной рѣзьбой, изображающей какую-то до сихъ поръ неразгаданную исторію. Прямую достопримѣчательность представляетъ собой фамильное серебро Обреновичей: погребцы, футляры, подставки, подносы, декоративныя украшенія. Здѣсь и драгоцѣнный ларецъ, принадлежавшій несчастному королю Александру. Должно быть Миланъ придавалъ большую цѣну хрусталю, потому что послѣ него осталось не менѣе 28-ми сервизовъ. Не мало осталось и драгоцѣннаго фарфора, европейскаго и восточнаго. Среди ковровъ есть одинъ, изготовленный на собственной фабрикѣ турецкаго султана. Онъ оцѣненъ аукціонистами въ 1.000 рублей.

Драгоцѣннѣйшей вещью въ художественныхъ коллекціяхъ была признана античная бронзовая фигура, принадлежавшая князю Михаилу. Она была найдена въ стойлѣ, куда ее забросили убійцы-заговорщики.

Невозможно или очень трудно перечислить всѣ выставленныя въ Доротеумѣ рѣдкости. Во всякомъ случаѣ, этотъ аукціонъ является одними изъ самыхъ интересныхъ, какіе когда-либо бывали въ Вѣнѣ. Одинъ изъ моментовъ всемірной исторіи нашелъ тутъ себѣ заключеніе. Со-

вершился странный путь изъ конака сербскихъ королей въ вѣнскій аукціонный залъ. Нѣтъ болѣе Обреновичей.

А. Л.

Вѣна,
конецъ августа.

Монокль и его исторія.

Во Франціи и Германіи монокль и до сихъ поръ еще въ большой модѣ. И по ту, и по другую сторону Рейна это маленькое круглое стеклышко въ большой чести. Но въ то время какъ у нѣмцевъ монокль нашелъ себѣ прочное мѣсто въ глазу „господина офицера“, среди зарейнскихъ республиканцевъ онъ остался исключительной принадлежностью „штатскаго“ туалета. Среди французскихъ военныхъ рѣдко кого можно было замѣтить съ такимъ украшеніемъ. А нѣмецкіе лейтенанты и ротмистры съ моноклемъ встаютъ, съ моноклемъ ложатся. Прежде всего — монокль, а потомъ ужъ Богъ, императоръ, родина и прочія „принадлежности“ нѣмецкаго военнаго.

Крайнихъ предѣловъ своего тріумфа монокль достигъ во Франціи во времена второй имперіи. Весь „шикъ“ заключался тогда въ четыреугольной формѣ монокля. Не безъ горькаго вздоха сознается одинъ изъ тогдашнихъ журнальчиковъ, что изобрѣтателемъ четыреугольнаго монокля приходится признать не кого иного, какъ князя Меттерниха — австрійца, представителя Франца-Іосифа при Наполеонѣ III. Монокль Меттерниха „давалъ тонъ“ въ свѣтскихъ кружкахъ Тюильри (а не Тюльери, какъ почему-то принято выговаривать), служилъ символомъ высшей элегантности. Чиновные и городскіе денди показывались не иначе, какъ съ оправленнымъ въ золото, четыреугольнымъ моноклемъ въ глазу.

Про одного изъ пламеннѣйшихъ моноклепоклонниковъ разсказывали слѣдующій анекдотъ. Вертѣлся при Тюильрійскомъ дворѣ нѣкій маркизъ де-Кокъ, извѣстный въ качествѣ перваго мужа Патти, съ которымъ она, разумѣется, прожила весьма недолго. Этотъ маркизъ де-Кокъ былъ прямо фанатикомъ четыреугольнаго монокля à la Меттернихъ. Между прочимъ, у него была привычка спать, совершенно раздѣвшись. Случился разъ въ его домѣ пожаръ. Проснувшись отъ жары и треска разъярившагося пламени, маркизъ выскочилъ изъ постели и кинулся къ выходу. Вспомнивъ, что онъ „въ чемъ мать родила“, нашъ герой на бѣгу хватаетъ... монокль, вставляетъ въ глазъ, накидываетъ на шею черную ленту, на которой держался монокль, и летитъ внизъ по лѣстницѣ. Оглушительный смѣхъ толпы привѣтствовалъ маркиза, спасшагося голымъ, но съ моноклемъ въ глазу. Карикатуристы Наполеоновской эпохи, разумѣется, не упустили случая изобразить элегантный выходъ де-Кока. Императоръ, императрица, весь дворъ, весь Парижъ потѣшались надъ корректностью маркиза.

Въ наши дни четыреугольный монокль изрѣдка можно встрѣтить въ глазу какого-нибудь стараго австрійскаго генерала, который дебютировалъ при Тюильрійскомъ дворѣ и сохранилъ отъ того времени модное стеклышко.

Война 1870 года и третья республика положили конецъ владычеству „четыреугольника“. Его мѣсто заступилъ круглый монокль, сохранившій свою форму и до сегодня. Моду на этотъ монокль ввелъ принцъ фонъ-Саганъ. Принцъ первымъ осмѣлился показаться на бульварахъ съ круглымъ моноклемъ въ черепаховой оправѣ, на широкой черной лентѣ. Впрочемъ, его исключительное положеніе продолжалось недѣлю. Круглый монокль восторжествовалъ въ глазахъ знати и тѣхъ, кто стремился стать въ ея ряды. И хотя очень многихъ модниковъ монокль украшалъ не болѣе синяка подъ глазомъ, большинство носило его, потому что носилъ законодатель модъ, фонъ-Саганъ, и потому что это было признакомъ хорошаго тона.

Въ наши дни монокль въ Парижѣ сильно демократизировался. Знать отказалась отъ круглаго монокля, съ того времени какъ его изобрѣтатель сошелъ въ могилу. Тѣмъ не менѣе носить монокль, съ лентой или безъ ленты, считается извѣстнымъ шикомъ, признакомъ извѣстной прирожденной элегантности, которую не пріобрѣтешь, разглядывая міръ черезъ какія-нибудь обыкновенныя очки.

Въ послѣдніе два года монокль понемногу входитъ въ моду среди парижскихъ дамъ полусвѣта. Насколько помогаетъ это стеклышко успѣху ихъ предпріятій, — остается профессіональной тайной.

ГОРЕ ГОЛЛАНДСКОЙ КОРОЛЕВЫ.

Грустныя впечатлѣнія вынесъ корреспондентъ вліятельной англійской газеты изъ свиданія съ королевой Голландіи.

„Кто, какъ я, — пишетъ онъ, — наблюдалъ жизнь королевы съ ея дѣтства по настоящее время, тому горькое чувство сожметъ сердце при видѣ того, какъ разительно измѣнилось въ послѣдніе два года это божество всей Голландіи. Ея пріятное, открытое личико утратило дѣтскія очертанія, потеряло свою дѣвственную прелесть, и рѣзкія черточки около рта и глазъ не позволяютъ сомнѣваться, что передъ вами разбитая въ своихъ надеждахъ женщина. Воодушевленіе, съ которымъ голландцы говорили раньше о своей „Вильгельминочкѣ“, нѣсколько упало, но нѣжность къ ней нисколько не уменьшилась. Голландскіе роялисты возлагаютъ на нее свои послѣднія надежды. Королева Вильгельмина обладаетъ всей гордостью, достойной ея происхожденія, и при всякомъ случаѣ подчеркиваетъ, что она, вмѣстѣ со своимъ народомъ, является носительницей традицій Оранскаго дома. Потому-то она такъ и удручена неимѣніемъ наслѣдника; она считаетъ это національнымъ несчастьемъ. Благодаря этому разочарованію, она постарѣла въ послѣдніе два года на десять лѣтъ. Вся Голландія молится за нее и за дарованіе наслѣдника, который бы поддержалъ угасающую династію; прежде голландцы говорили о королевѣ не иначе, какъ со смѣхомъ, улыбками и нѣжнѣйшими тонами въ голосѣ, а теперь говорятъ съ печалью. Черезъ нѣсколько недѣль королева прибудетъ изъ Лоо въ Таагу на открытіе парламентской сессіи, а затѣмъ снова уѣдетъ въ Лоо, гдѣ и останется до начала сезона въ столицѣ. Лѣтомъ, въ Лоо, она ведетъ, обыкновенно, весьма простой образъ жизни; единственными ея развлеченіями служатъ прогулки и верховая ѣзда. Между тѣмъ Лооскій замокъ, старинная резиденція Оранскаго дома, еще такъ недавно видѣлъ въ своихъ стѣнахъ веселое оживленіе. Тутъ часто давались спектакли, и королева сама принимала въ нихъ участіе. Теперь все это кануло въ Лету. Королева посвящаетъ свое время только государственнымъ дѣламъ. Каждую недѣлю министры привозятъ въ Лоо требующія подписи королевы бумаги. При этомъ юная государыня выказываетъ твердость характера и большую освѣдомленность. Она не подпишетъ ни одной бумаги, если недостаточно знакома съ ея содержаніемъ. Если какой-нибудь министръ далъ неполное или неясное объясненіе, она сама, съ помощью своего секретаря, разбирается въ дѣлѣ до мельчайшихъ подробностей. Нехудо бы и русскимъ сановникамъ брать примѣръ съ голландской королевы.

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЙ ШАХМАТИСТЪ.

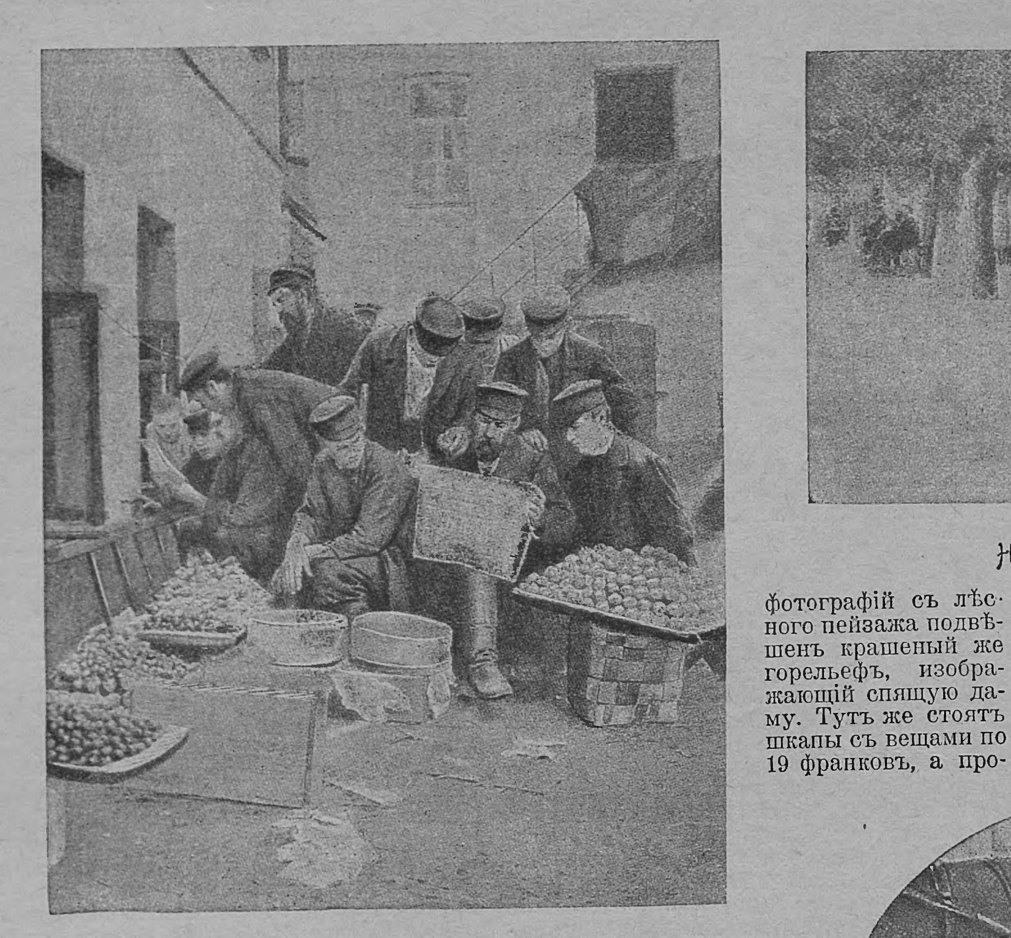
Англійскій король Эдуардъ — страстный любитель шахматнаго спорта, въ чемъ онъ лишь идетъ по стопамъ многихъ своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ и своего тезки, Эдуарда I, который прославился своимъ искусствомъ. Его супруга нѣсколько уступала ему на этомъ поприщѣ, однако одержала однажды надъ нимъ блистательную побѣду, за которую король поднесъ ей шахматную игру съ фигурами изъ хрусталя и яшмы. Страсть этого монарха къ шахматамъ чуть не стоила ему жизни. Когда онъ только что поднялся изъ-за шахматнаго столика, съ потолка обрушился огромный камень, какъ-разъ на то мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ. Были-ли игроки прежняго времени нервнѣе нынѣшнихъ, — доказать трудно, но во всякомъ случаѣ прочно установлено, что нѣкоторые, начинавшіеся весьма мирно шахматные поединки заканчивались разбитіемъ головъ. Когда принцъ Генрихъ, впослѣдствіи Генрихъ I Англійскій, посѣтилъ французскій дворъ, онъ выигралъ у старшаго сына короля Людовика столько партій, что послѣдній въ припадкѣ ярости швырнулъ ему фигуры въ лицо. Генрихъ схватилъ шахматную доску и ударилъ Людовика съ такой силой, что у того изъ головы потекла кровь; потерпѣвшій хотѣлъ-было отплатить той же монетой, но тутъ вмѣшался его братъ Робертъ, усадилъ бойцовъ на коней и развелъ въ разныя стороны. Король Іоаннъ Англійскій былъ въ молодыхъ годахъ участникомъ подобнаго же эпизода: одна партія шахматовъ, въ которой его противникомъ былъ извѣстный игрокъ Фулькъ Варилъ, окончилось потасовкой, причемъ Фулькъ обнаружилъ кипучую дѣятельность. Іоаннъ никогда не забывалъ полученныхъ ударовъ и не простилъ ихъ своему партнеру: по вступленіи на тронъ, онъ лишилъ его наслѣдства и заточилъ въ крѣпости Витингтонъ - Кестль. Вильгельмъ Завоеватель совершенно терялъ голову за шахматами, и разъ это повело къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Играя съ сыномъ французскаго короля, онъ затѣялъ споръ въ очень оскорбительныхъ выраженіяхъ; споръ окончился тѣмъ, что Вильгельмъ съ такой силой обрушилъ доску на голову своего оппонента, что тотъ замертво упалъ на полъ. Вильгельмъ вскочилъ на коня и со всѣхъ ногъ бѣжалъ изъ Франціи. Филиппъ II испанскій очень любилъ шахматы, пока выигрывалъ; но горе неосторожному, который позволилъ себѣ сдѣлать королю шахъ и матъ; изгнаніе отъ двора было самымъ малымъ наказаніемъ, котораго онъ могъ ожидать. Одинъ изъ могущественныхъ грандовъ Испаніи, поигравъ съ королемъ, вернулся домой и обратился къ домашнимъ со слѣдующими словами: „Дѣти мои, намъ нечего больше дѣлать при дворѣ. Отнынѣ нечего больше ждать милостей: король оскорбленъ — онъ проигралъ мнѣ нѣсколько партій“...

ШАХЪ ПЕРСИДСКІЙ У СЕБЯ ДОМА.

Въ то время, какъ персидскій шахъ направлялся въ Европу, одинъ парижанинъ, путешественникъ Клодъ Анэ, изучалъ въ Тегеранѣ обстановку повелителя Персіи. Дворецъ шаха, — пишетъ онъ, — возбуждалъ изумленіе во многихъ туристахъ, но отнюдь не во мнѣ. Нельзя воображать, что восточный „царь царей“ живетъ въ какомъ-нибудь сказочномъ замкѣ восточнаго стиля; его дворецъ гораздо больше удовлетворяетъ европейскимъ вкусамъ, и притомъ не весьма высокаго уровня.

Всѣмъ извѣстны чудныя произведенія персидскаго искусства; въ Европѣ и Америкѣ всѣ охотятся за персидскими коврами, миніатюрами и пр. Въ покояхъ шаха не видно ничего этого; въ его прославлен-

Разносчики, читающіе на улицахъ Москвы манифестъ объ учрежденіи Государственной Думы.

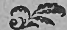

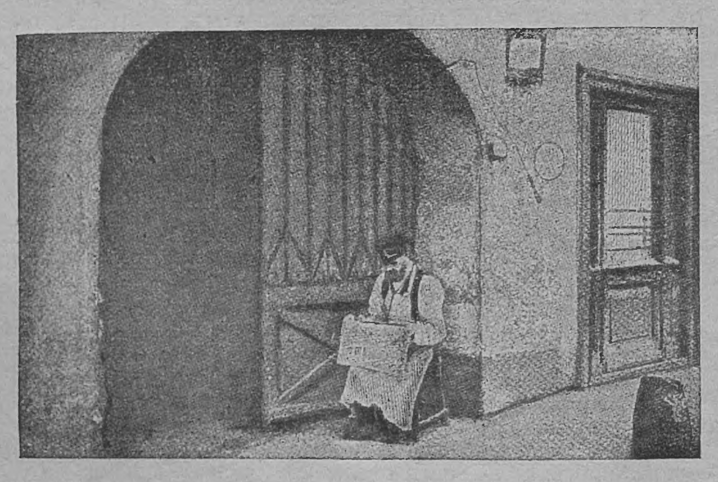
На Тверскомъ бульварѣ.

номъ музеѣ хранятся подъ стекломъ гравюры парижскаго происхожденія, а чтобы не оставалось сомнѣнія въ стоимости, на каждой наклеенъ билетикъ: 65 франковъ. Рядомъ съ гравюрами лежитъ ручное зеркальце въ 3 крон. Правда, знаменитый „павлиній тронъ“ тоже тутъ, но на этомъ тронѣ никогда не сидѣлъ Великій Моголъ. Тронъ скорѣй всего сдѣланъ въ XIX вѣкѣ въ Испагани, а драгоцѣнные камни, нѣкогда его украшавшіе, постепенно выломаны и замѣнены фальшивыми. Въ музеѣ находятся также издѣлія Севрской и другихъ европейскихъ мануфактуръ, которыми европейскіе монархи въ избыткѣ одарили своего персидскаго коллегу. Цѣлый часъ насъ таскали по заламъ, наполненнымъ самыми неинтересными предметами. На стѣнахъ висѣли картины,—но какія картины! Подлѣ какихъ-то раскрашенныхъ фотографій съ лѣсного пейзажа подвѣшенъ крашеный же горельефъ, изображающій спящую даму. Тутъ же стоятъ шкапы съ вещами по 19 франковъ, а противъ нихъ — тоже шкапы съ вещами по 45 франковъ. Экія драгоцѣнности!.. Великолѣпны безусловно дворцовые сады съ ихъ цвѣтными, словно изъ нефрита, водами; тутъ любуешься и на шумящіе водопады, и на покрытые лиліями всѣхъ цвѣтовъ садики, на развѣсистые платаны, на узенькіе каналы, дно которыхъ выложено голубымъ кафелемъ. Но зато помѣщеніе шаха—куда хуже! Мебель обита обыкновеннѣйшимъ парижскимъ бархатомъ и плюшемъ, и во всѣхъ углахъ и закоулкахъ стоятъ и лежатъ всевозможные музыкальные механизмы. Истинная оргія механическихъ піанино, музыкальныхъ ящиковъ, шарманокъ...Въ спальнѣ шахая напрасно искалъ, среди множества музыкальныхъ прелестей, постель, такъ и не нашелъ. Дѣло въ томъ, что „центръ вселенной“, „небесный руководитель“ почиваетъ на двухъ подушкахъ, которыя попросту кладутъ на полъ. Надъ этой примитивной постелью виситъ этажерка, на которой я открылъ слѣдующее: направо и налѣво отъ портрета шаха стоятъ портреты короля Эдуарда VII и его супруги, а направо и налѣво отъ нихъ — портреты русскихъ Государя и Государыни.

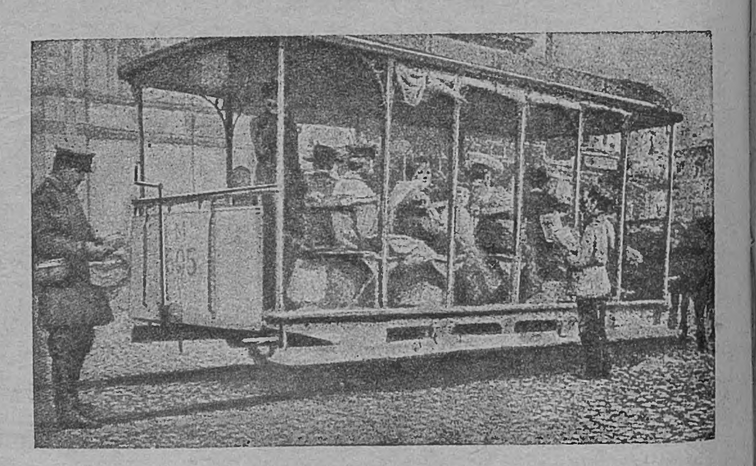

Извозчикъ, углубившійся въ чтеніе газеты на козлахъ.

Дворникъ, читающій газету у ворстъ.

Газетчики у вагоновъ конки.

Шестое августа въ Москвѣ.

Съ фотографій корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25 Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Пропперъ.